

Алексей Яковлев
Лирика

Алексей Яковлев

Лирика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42630731
ISBN 978-5-4496-8490-5*

Аннотация

В сборнике преимущественно представлены стихотворения из лирико-депрессивного романа «Ипохондрия LIFE» (2016 г.), а также другие произведения автора, в том числе такие, как «Она сошла с гобелена...», «Готический этюд», «Берег слоновой кости» и мн. др.

Содержание

Она сошла с гобелена...	5
Дымом костра...	7
Лето. Жажда...	8
Готический этюд	9
Фантазия	11
Плевел (Моя поэтесса)	12
Лишь кресты на моем сонном пастбище...	14
Бессонница	16
Мир внутри меня...	18
Берег Слоновой Кости	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лирика

Алексей Яковлев

© Алексей Яковлев, 2019

ISBN 978-5-4496-8490-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она сошла с гобелена...

Она сошла с гобелена там, где сцены охоты в малахитовом зале, она вся в зеленом, вся в изумруде, она божественна, будто фея, сосуды из яшмы и двери в агате ее дразнили и ей внимали, движения плавны и грациозны, уста шептали: «Я Галатее».

Скульптуры бесчувственны, взгляды с картин эфемерны, иллюзия света и тени в комбинации шара и плоскости так узнаваема, но она не искусственна и совершенна, она антипод подмены, и взгляд ее

пленителен, а душа вполне осязаема.

Я кубок поднял: «Очарован! За ваше здоровье, моя принцесса!» Выражение лица снисходительно – маска ее превосходна, в моих глазах признак темной власти лидийского Креза, в глазах ее вся синева небосвода...

Она сказала: «Прими икатулку из красного дерева и василисковой кожи, в ней яд чудесный, серебряная бритва, философские камни, укол ехидны, коготь дракона, шипы отравленной розы, остывшие угли моего сердца, флакон с моими слезами».

Спорить бесчестно и бесполезно – разгадка на гобелене! Ему сотни лет, и тайны как будто покрыты пылью, но витязь, погибший в состязании с вепрем, был уличен в измене, легенда плавится, рвется, рыдает – становится былью.

Серебряная бритва в крови, философские камни при деле, чаша пуста, кровь пульсирует в венах, смешана с ядом, уколом ехидны, когтем дракона растерзаны, как хотели, двор палатцо, расписные стены нас провожают взглядом. Повествованье хранит немой узор византийской фрески, и знает об этом розовый куст Гильдесгеймской церкви, прекрасный призрак забытой готической пьесы, где яд в третьем акте – символ, целомудренность смерти...

Дымом костра...

Дымом костра... Над пустошью эхо пульсирует стансами,

*Стынет зола, безудержно болью дрожит под пальцами,
Привкус смородистый осени, душу встряхнув, очистила,
Воздух оглох, наполнился серой, частицами выстрела...
По бездорожью холодом, в поле сухими травами,
Стать буреломом Бряничины, степью, блуждать канавами,*

*Кровью, листвою, щепками, полог землистый узорами,
Лес ошетинился ветвями, стаяй вспорхнули вороны.
Руки, как есть, ободраны, память души раскорчевана,
Хлынула темными водами, пьяным дурманом солода.
Черным крестом безымянного – имя, как водится, сколото,*

Солнце горит над полянами, сыплет осеннее золото...

Лето. Жажда...

*Лето. Жажда... И стаи во тьме
Пропоеют свою песню оврагам,
Мхам болотным, гниющим корягам,
Синеоким лесам и луне
Знойный ветер погонит сквозь пыль
Эхо мрачных ночных колыбельных,
Стон незримых потоков подземных
И сухой сединистый ковыль
Тонут звезды в июньскую степь,
Месяц скрылся за дальние склоны,
И в церквях зарыдают иконы,
Оставляя соленую взвесь...*

Готический этюд

Холодный ноябрь тенистой аллеей проводит в хранилище души,

Мой сад давно умер, уже багровеет безмолвная сонная глушь;

Лирический странник последней эпохи, последняя жертва чумы,

Выводит чернилами ровные строки и видит печальные сны.

На темном бульваре бездомной собакой ползет полусгнивший трамвай,

Ломают бесшумно колеса босые ноябрьский хрупкий январь

тарь.

Безумный поэт и слепой переводчик гадают над чашей воды,

Слагают поэму «Прелюдия ночи. Пророчества полной луны».

Угрюмые плиты, мои катакомбы, ужасные знаки любви,
Я знаю, хранители души отрицают целебные травы весны,

Глубокие ямы – колодцы желаний и связки волшебных ключей...

Я слышу, доносятся томные вздохи и стон из незримых щелей;

Уснувшие тайны едва уловимы под пледом надгробной тоски,

Но знаешь, когда вновь раскроются раны, мы будем с тобою близки...

Фантазия

*Во мне заброшенный рудник, опавшая листва,
Ушедший поезд и пустой перрон...
Стираются в безумном исступленьи жернова
Бесплодных мельниц вакуумных зон
И я усердный, но несчастный рудокоп,
Себя за хвост кусающий шакал,
Печальный звездочет, смотрящий в телескоп
Разбитых линз и ненастроенных зеркал
Фантазия! Тебя я не могу пленить – я пленник твой,
Ты плавись в огне и принимаешь разные черты,
И кто-то жадно наслаждается твоей игрой,
И кто-то похищает твои сны!
А я разбит на части – глиняный горшок,
И в этом что-то есть от философии Хайяма,
Ты бесконечна, как электроток,
А я имею дно, как выгребная яма...*

Плевел (Моя поэтесса)

Горестный пепел. Вода моложе, стало быть, солнцу напрасно верил,

Эхом бродил, чей-то сон тревожил, по пустырю и развеял плевел.

По луговым рассыпался строкою, умер ручьем на окраине леса,

Странно, при жизни опавшей листвою. Кладбище. Я и моя поэтесса.

Медленно дышим. И душно, и сыро здесь, в катакомбах забытых предметов,

Тень на полу, пара честных этюдов, до тошноты от своих же сонетов.

Вечер. Устал. Револьверные пули, сонные жалобы наших

соседей,

*Просто прости, нас с тобою не будет, мрачный конец од-
ноактной пьесы.*

*Тихо растаем в расплескавшейся дали, нас похоронят
в день непогожий,*

*Будет фонарь бултыхаться в канаве пасмурных лилий.
Вода моложе...*

*Что им?! Сутулясь, случайным прохожим я по карманам
раскладывал плевел*

Знал ли, что станем опавшей листвою?!

Стало быть, просто напрасно верил...

Лишь кресты на моем сонном пастбище...

*Лишь кресты на моем сонном пастбище... След чужого
пустого семени,*

*Мы больны с тобой летней жаждою и приходим сюда
не ко времени.*

*Нам ли в землю ложиться и каяться, нам ли гнить, если
в глину втоптаны?*

*Колос к колосу плевелы сорные вдоль дорог, как столбы,
с тобой вкопаны.*

Хоронили нас в дни непогожие, без разбору – в канавы,

в овраги ли!

На могилы плевали прохожие, покрывали тела геморрагии.

По лугам, пустырям позаброшены, в волчьи топи, в степные пастбища,

И над нами век травы не скошены – молчаливые наши кладбища.

Тишиною объятые призраки, мы болеем теперь суеверьями,

Подает все же жизни признаки – из могил тянем руки деревьями...

Бессонница

Бессонница... Пространства вакуум родит вариационный ряд —

Вагон-плацкарта, лифт, тоннель, метро — клаустрофобия;

К чему все это — в дефиците сна такое изобилие мысленных затрат,

В душе моей: поросшие курганы, эпитафии, кресты, надгробия.

Окно, пустая ночь, пугливый свет, уродливые сети проводов,

Такое трезвое суждение: «Некуда уйти от неизбежности»,

Да, мало ли на этом свете, в самом деле, городов?

Где, как и здесь, все пребывает в летаргии безмятежности!

*Упрямо жмурюсь в ночь – ловец столь осторожных снов,
Мой комендантский час строптив, суров, и временами
властен,*

*Но, я пропал! На этот раз фундамент архаических основ,
Размыт, осел в пыли, раздавлен, смят шальным нена-
стьем.*

*Бессонница... Все гуще мгла, все ближе подступает мрак,
Мой мозг отчаялся, не ищет сна или хотя б его подобия,
Мой Черный человек – мой самый безупречный враг!
В душе моей: поросшие курганы, эпитафии, кресты, над-
гробия...*

Мир внутри меня...

*Растревоженный улей, подземные реки,
Котлованы фантазий среди вечного льда,
Диалектика поймана в крепкие сети,
Так рождается мир внутри у меня.
Бесполезны ключи, когда двери открыты,
Колесо обозрения – вечный простор,
Ричард Вебстер* раскрыл ВСЕ возможные мифы!
Сквозь запретные грани шагнул его взор.
Все смешалось давно в призме тысячелетий,
И смотрящий на мир, сквозь бессмысленность стен,
Обретает способность на пыльном паркете
Различить всю картину земных перемен.
С глаз сокрытые тайны – священные книги,
И колосья ржи средь магнитных полей
На ладони сплетаются судеб изгибы,
Фатализм? Или бремя наших страстей?
Переменчивый ветер, Летучий голландец,
Философским доктринам нету числа,
В океане Вселенной Я – межзвездный скиталец!
Так устроен мир внутри у меня.
Душу вяжут оковы; пустой муравейник,
В хвойной чаще и с приближеньем огня!
Дрожь в руках в предвкушении новой затеи,*

*Время препровожденья свободного дня.
Изучив досконально весь аутотренинг,
Оставаясь с собой один на один,
Я уверовал в то, что Я – Дэррель Стэндинг!
Что сказал бы на это старик Крепелин?*

Берег Слоновой Кости

Ставни, фрамуги, сырые доски, на антресолях сто метров лески,

Грезится Берег Слоновой Кости... Здесь многолюдный осенний Невский.

Неизлечима тоска декадента, пепел табачный на старых портъерах.

Я все скрываюсь без всякого дела в душной прихожей от толп оголтелых.

Пробы пера, громохание лифта, в зеркале вроде черты человека,

Кашель – курю, предвестники гриппа, кто-то звонит из минувшего века.

Снова одна, одеваюсь безвкусно, в старых потертых нелепых одеждах

Чем-то похожа на члена литклуба с книгой стихов, уже поистлевшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.